

RU

Трилогия «Паруса “Эспады”» В. П. Крапивина: конфликт и система персонажей в аксиологическом аспекте

Свитенко Н. В.

Аннотация. В статье рассматривается инвариантный «сюжетообразующий» конфликт, объединяющий романы «Мальчик со шпагой», «Бронзовый мальчик» и «Рыжее знамя упрямства» В. П. Крапивина, в контексте ценностных оппозиций, определяющих структуру системы персонажей. Научная новизна работы заключается в методологическом подходе к предмету исследования: специфика конфликта анализируется в аспекте художественной аксиологии. Цель исследования - постижение авторских аксиологических интенций, определяющих систему персонажей, инвариантную для романов трилогии «Паруса “Эспады”». В результате исследования выделены и охарактеризованы два модуса сознания, определяющие ментальные ценностные доминанты главных героев трилогии, «крапивинских мальчишек», обладателей конвергентного сознания, и их постоянных антагонистов - «чиновниц-педагогесс» и функционеров, адептов негативного полюса авторитарного сознания.

EN

The “Sails of the «Espada»” Trilogy by V. P. Krapivin: Conflict and the System of Characters in the Axiological Aspect

Svitenko N. V.

Abstract. The paper examines the invariant “plot-forming” conflict that links V. P. Krapivin’s novels “The Boy with a Sword”, “The Bronze Boy” and “The Red Banner of Stubbornness” in the context of value oppositions that define the structure of the system of characters. Scientific originality of the paper lies in taking a methodological approach to the subject of the research: specificity of the conflict is analysed in the aspect of artistic axiology. The study aims to comprehend the author’s axiological intentions defining the system of characters that is invariant for the novels of the “Sails of the «Espada»” trilogy. As a result of the study, the researcher has identified and characterised two modes of consciousness which define the mental value dominants of the main characters of the trilogy, “Krapivin’s boys”, representatives of convergent consciousness, and their regular antagonists, i.e. “bureaucratesses-teacheresses” and functionaries, adherents of the negative pole of authoritarian consciousness.

Введение

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения прозы для подростков в аспекте ценностного подхода современного литературоведения, а именно творчества В. П. Крапивина в раскрытии авторской аксиологической перспективы на уровне архитектоники текста.

Тема исследования представлена сравнительно небольшим количеством диссертационных работ, посвященных научному осмыслению поэтики и стилистики «культового» мастера детской литературы (Аникина, 2014; Долженко, 2001; Великанова, 2010).

Определение и формулирование оснований авторских аксиологических интенций В. П. Крапивина в работе связано с решением следующих задач: проанализировать инвариантную для романов трилогии «Паруса “Эспады”» конфликтную ситуацию; рассмотреть особенности художественной репрезентации модусов сознаний персонажей-участников конфликта; охарактеризовать ценностную систему персонажей в перспективе доминанты модусов сознаний.

Для анализа специфики конфликта в контексте заявленной проблемы в работе применяются следующие методы исследования: метод контекстуального и филологического анализа текста. С помощью аксиологического подхода обеспечивается аналитическое описание типологии сознаний инвариантных групп персонажей, художественно репрезентированных в трилогии.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных литературоведов, в которых рассматриваются творческий метод и педагогические интенции В. П. Крапивина (Великанова, 2011; Крапивина, 2013), а также работы, посвященные аксиологической методологии в литературоведении (Попова, 2004; Семенова, 2016; Тюпа, 2018).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для научного обеспечения курсов по истории детской литературы и спецкурсов по истории отечественной прозы для подростков, также материалы статьи могут быть полезны в школьной практике педагога-словесника.

Основная часть

Романы трилогии «Паруса “Эспады”» охватывают три временных периода: позднее советское время («Мальчик со шпагой», 1974), девятые годы («Бронзовый мальчик», 1992) и нулевые годы XXI века («Рыжее знамя упрямства», 2004). Одна из центральных проблем прозы для подростков – осознание героем собственной идентичности. Типичный главный герой каждого из романов трилогии – «крапивинский мальчишка», двенадцатилетний подросток, «ноги, космы и шевроны» (Крапивин, 2016с, с. 338), нравственный «экстремист», чей ценностный выбор и поступок, совершенный на основе этого выбора, приобретает статус события. В «инициационном» сюжете каждого из романов герой вступает в конфликт с персонажем иной парадигмы мироположения – негативного полюса авторитарного сознания. Инвариантные черты подобных функционалов разных мастей – косность, поверхностность, стереотипность мышления, конформизм, деструктивность.

Столкновение двух ценностных систем, определяющее «сюжетообразующий» конфликт в трилогии, исчерпывающе иллюстрирует напряженный диалог главного героя заключительного романа «Рыжее знамя упрямства», шестиклассника капитана Словко, и «вынужденного» пассажира его яхты, подполковника Смолянцева.

Девятый пункт Устава парусной флотилии, морского отряда «Эспада», требует оказания помощи попавшим в беду. Словко и его друг Рыжик берутся доставить «под парусами» подполковника к месту важной встречи. Проходя мимо острова Шаман, мальчишки отдают честь, Смолянцев иронизирует: «Значит, плывут пионеры – салют Мальчишу... Я в детстве очень любил Гайдара. – А сейчас? – вдруг звонко спросил с носа Рыжик. <...> – Времена меняются», – отвечает военный (Крапивин, 2016с, с. 311). Пассажир расспрашивает о мальчике, который считается другом «Эспады», хотя жил в другом веке, капитан Словко рассказывает историю гимназиста Никиты Таирова (во втором романе трилогии статуэтка бронзового мальчика стала переходящим призом флотилии). В разговоре подполковник приходит в недоумение, каким образом в списке друзей «Эспады» «сочетаются» Никита Таиров, расстрелянный большевиками, и Павлик Морозов, по «общеизвестному факту – предатель и доносчик» (Крапивин, 2016с, с. 312). «Нормально сочетаются, с нарастающим ожесточением сказал Словко. – Оба погибли за то, во что верили. Оба ни в чем не виноваты...» (Крапивин, 2016с, с. 312). Этот диалог представляет квинтэссенцию ценностной парадигмы главных героев Крапивина и авторской аксиологии, которая подчиняется не законам исторического времени и их идеологемам, а ориентирована по пушкинским заветам на вневременные ценности.

Еще один собеседник, директор детского дома Олег Московкин, в прошлом тоже капитан «Эспады», комментируя «общеизвестный факт» о Павлике Морозове, излагает главную проблему романа «Бронзовый мальчик» (Крапивин, 2016а): «Полвека делали из мальчишки героя, а потом облили помоями, сбрасывали памятники. <...> А вся его вина была в том, что он от души поверил в светлое будущее. <...> Ребята хотели спасти его памятник в городском сквере, да не успели» (Крапивин, 2016с, с. 312). Такая постановка проблемы – аксиологический «маркер» носителей конвергентного сознания, для которого характерна «модальность поискового знания, предполагающая согласование» (Тюпа, 1996, с. 22). Для «крапивинских мальчишек» и их «старших» товарищей истина рождается в режиме соприкосновения разных точек зрения, требует диалогического участия в событии ее поиска и становления.

В конце разговора выясняется, что «беда» подполковника несколько преувеличена: он спешит на встречу с «инициативной группой», чтобы решить вопрос о переделе территории, принадлежащей парусному клубу, в пользу частных построек. Ситуация с отчуждением территории или здания клуба – повторяющееся испытание для юных мушкетеров или капитанов в романах трилогии: за сохранение «дома» для «парусного» братства придется бороться.

Кроме того, в экстремальной ситуации внезапной перемены погоды подполковник проявляет себя как мелочный, суетливый эгоист, не способный уважать достоинство человека, который младше его. Требование Смолянцевым беспрекословного подчинения, слепого исполнения приказа «взрослого» наталкивается на несокрушимую волю двенадцатилетнего мальчишки, капитана, а значит, профессионала в умении управлять парусным судном, чувствующего ответственность за тех, кто на борту. Но проявление твердости подростком не имеет ничего общего с эгоистическим хотением, капризным своеволием.

Характер – ядро человеческой природы, порождающее алгоритм ценностных действий, в сердцевине ядра характера – рефлексия, самопознание, ориентированные на систему ценностей. Именно внутренние аксиологические установки определяют выбор героя – не следование тому или иному поведенческому стереотипу, а осознанную жизненную позицию. Малодушному подполковнику не дано понять, что «мера человеческой доблести определяется не длиной штанов» (Крапивин, 2016с, с. 345), а ценностным и волевым содержанием внутреннего «ядра», которое конституирует субъекта как личность и в сложных ситуациях выстраивает его «бытие

поперек». «Крапивинский мальчишка» – тип героя, ментальный модус которого представляет собой «диалогическое» сознание, которое «абсолютизирует коммуникативную природу человеческого духа», его ««соборное» или, лучше сказать, конвергентное сознание есть антиавторитарный модус сознания» (Тюпа, 1996, с. 21).

«Двенадцатилетний» капитан тоже испытывает страх, но, в отличие от Смолянцева, отчетливо осознает его и управляет им: «...и страх уменьшился (а ведь он был, страх-то, и немалый, просто Словко привычно держал его сбоку, в сторонке от сознания)» (Крапивин, 2016с, с. 327). В одном из эпизодов романа Словко утешает младшего товарища, который признался, что боялся: «...я где-то читал, что это и есть храбрость. Когда человек боится, но все равно идет. Во время шторма тоже бывает страшно. Ну и пусть. Главное – не бросать руль и шкоты...» (Крапивин, 2016с, с. 226).

В романе «Мальчик со шпагой» преодоление страха в момент поединка показано крупным планом в фокальной перспективе героя: «В этот миг он понял, что если промедлит хоть полсекунды, то не справится с собой. Бросится бежать, изнемогая от страха за себя... А Стаська? Рука фехтовальщика сработала молниеносно. Снизу вверх, их третьей позиции, он ударил по оружию противника. Вернее, по его руке. Нож серебристой рыбкой взлетел в полосе света и воткнулся в столб в метре над головой Стасика» (Крапивин, 2016b, с. 209). Ответственность за другого заставляет героя преодолеть страх: «крапивинские мальчишки» волевым усилием в экстремальных ситуациях овладевают временем, поскольку не суетятся, а исследуют, не рассчитывают на кого-либо, а формируют собственное решение.

Несправедливость – тот «инициационный» вызов способу «сборки» и бытия подростка, который в экстремальный момент заставляет героя преодолеть это, обуздать страх и совершить поступок. Будучи «камертоном» экзистенциальной чистоты, «крапивинский мальчишка» не может стать собой, то есть по-настоящему человеком, если он не примет в себя, в свое переживание эту радикальную несправедливость и не сделает ее справедливостью.

Действия подполковника инвариантны для типичных «аксиологических» оппонентов главных героев трилогии – чиновников, сотрудников школы – желание «обстрегать по всем параметрам» «тупым топором» (Крапивин, 2016с, с. 312). Авторитарных «чиновниц-педагогесс» отличает инерция шаблонизированного сознания, замкнутого в кругу заданных представлений: «Ролевое, или авторитарное сознание есть доминирующий способ меж-индивидуальной коммуникации в человеческих сообществах. <...> Совместное знание этого рода сугубо иерархично, мерой его истинности выступает в конечном счете ролевое место в миропорядке носителя этого знания» (Тюпа, 1996, с. 20). Но реальность не предрешена, ее жизненные возможности богаче, непредсказуемее, чем все те решения, которые заданы традиционной мотивацией, типическими обстоятельствами и логикой здравого смысла – ценностными ориентирами обладателей авторитарного сознания.

Работников школы и различных учреждений, чиновников объединяет детерминированность пределами понятий определенной среды, стереотипность мышления, неспособность к прорывам к духовной свободе. Честь и достоинство не являются формой самочувствия «функционеров», это всего лишь риторика. Для них характерна психология хамства – разновидность психологического и коммуникативного насилия, главная теза которой – «с подростками не договариваются, им диктуют свои условия». Только осознание вины и ответственности разрушает механическую модель существования этих персонажей. Для того чтобы выйти на ристалище истинного общения, нужны искренность и отвага: от «взрослого» требуется поднять «забрало» превосходства. В художественном мире Крапивина на это способны очень немногие взрослые.

На наш взгляд, специфика конфликта определяется не столько принадлежностью к возрастной категории «ребенок/взрослый» (Аникина, 2012), сколько ценностными ориентирами: как среди детей и подростков есть явные авторитарные «функционеры», так и среди взрослых в трилогии обязательно встречаются «Дон Кихоты с портфелями» (Крапивин, 2016b, с. 23), яркие представители конвергентного сознания – руководители «Эспады», журналисты, учителя – «старшие» товарищи «крапивинских мальчишек».

В контексте авторской аксиологии «живая» педагогика (Крапивина, 2008) противопоставляется и «механистической» школьной, и армейскому «обтесыванию топором». В клубе – фехтовальном («Мальчик со шпагой») или парусном («Бронзовый мальчик», «Рыжее знамя упрямы») – жизнь ребят подчиняется строгим правилам Устава, но неверно думать, будто дисциплина ограничивает их свободу: подлинная свобода – это не свобода «от», но свобода «для». Устройство жизни в отряде – воспитание общением, сотрудничеством и сотворчеством. Общение – установление языка для диалога – это не язык команд и послушания, это язык доверия, который может достучаться до души. Находит такой язык – глава «Эспады»: Олег Петрович Московкин («Мальчик со шпагой») и Даниил Корнеич Вострецов («Бронзовый мальчик», «Рыжее знамя упрямы») относятся к ребятам как к равным, к подростку – как к человеку, а не к «брату меньшему», в итоге получается не воспитанный ребенок, а человек.

Подлинное воспитание – в «сути» личностей руководителей «Эспады», в их отношении к ребятам, в их аксиологической парадигме, резонирующей с ценностной системой воспитанников и проявляющей общее нравственно-этическое ядро. Каждое слово, интонация, жест, поступок лидера «парусного братства» отражают его убеждения, жизненную позицию, отсутствие двойных стандартов «для жизни» и «для работы».

Самое дефицитное в современном мире – простота человеческих чувств, простое внимание к другому, элементарная верность простому обещанию. «Старший товарищ» – учитель (обладатель конкретного профессионального опыта) и друг (общается с ребятами как с равными в аспекте души), взрослый, обладающий «самостоянием» и ответственностью «за тех, кого приручил». Именно руководители кружков претворяют

в жизнь истинное значение слова «воспитывать» – управлять, учить и общаться. Интеллект, опыт, возраст у взрослого и ребенка разнятся сильно, но души – равны. Руководитель клуба умеет принимать мудрые решения: так, ребята, поддавшиеся слабости, совершившие отступничество от клятвенной присяги «Эспады», все равно остаются в круге общения (основная ценность для носителей конвергентного сознания), учитель не дает волю ни праведному гневу, ни холодности, давая возможность для маневра совести (Крапивин, 2016b, с. 166-167).

Свет фонарика «бронзового мальчика» для «крапивинских мальчишек» стал метафорическим определением-«маркером» «своих»: «Если кто-то нравился Словко, он думал про такого: “Видит фонарик...”. И, судя по всему, не только у Словко было такое ощущение... Рыжик был, конечно же, из “тех, кто видит фонарик”» (Крапивин, 2016с, с. 148). Все главные идеи трех романов сходятся в последнем томе трилогии, романе «Рыжее знамя упрямства», в котором по ходу сюжетной интриги собираются капитаны прошлых лет – Даниил Корнеич (Даня Рафалов, главный герой романа «Бронзовый мальчик»), Сергей Владимирович Каховский (главный герой романа «Мальчик со шпагой») – и обсуждают с мальчишками, центральными персонажами последнего романа, новый источник энергии, который изменит мир. Постичь и удержать этот новый мир в солнечном поле ноосферы смогут только те, «кто видит фонарик»: люди диалогического сознания, способные выйти за пределы рационального пребывания в мире, потребительских стратегий, «фонового» существования и построить соборное «парусное» братство.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Ценностная архитектура В. П. Крапивина определяет систему персонажей и специфику инвариантного сюжетнообразующего конфликта романов трилогии «Паруса “Эспады”». Генерализации авторской системы ценностей способствуют сюжетные ситуации противостояния носителей разных типов сознаний, определяемых принадлежностью не к возрастной категории, а конкретной системе ценностей. Расширяя аксиологическую сферу, писатель сопрягает личный педагогический опыт с типологически значимым обобщением в художественных образах предводителей клубов для подростков.

Главные герои романной трилогии, «крапивинские мальчишки», и их «старшие» товарищи являются обладателями конвергентного сознания. Ценностным ядром этого модуса является установка на диалогическое постижение истины, преодоление инстинктивного традиционализма и потенций эго в ситуациях инициационного сюжета испытаний. Их постоянных «сюжетных» противников и «аксиологических» антагонистов, разномастных чиновников-функционеров, носителей негативного варианта авторитарного модуса сознания, отличает нерелексивность, конфликтность, линейное, шаблонизированное мышление, закрывающее возможности интуитивных прозрений и постижения правды Другого.

В перспективе представляет интерес исследование проблемы типологии модусов сознаний в современной прозе для подростков. А также выявление особенностей художественной аксиологии мастеров детской литературы, отразивших в своем творчестве ценностные сдвиги, характерные для рубежа третьего тысячелетия.

Источники | References

1. Аникина Ю. А. Особенности изображения конфликта «Взрослого» и «Детского» миров в романе-трилогии В. П. Крапивина «Голубятня на желтой поляне» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 6.
2. Аникина Ю. А. Специфика конфликта в художественном мире В. П. Крапивина: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2014.
3. Великанова Е. А. Евангельский текст в фантастических повестях В. П. Крапивина (цикл «В глубине Великого Кристалла») // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9.
4. Великанова Е. А. Цикл «В глубине Великого Кристалла» В. П. Крапивина: проблематика и поэтика: дисс. ... к. филол. н. Петрозаводск, 2010.
5. Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50-80-х гг. XX в.: Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2001.
6. Крапивин В. П. Бронзовый мальчик: роман. М.: Издательский дом Мещерякова, 2016а.
7. Крапивин В. П. Мальчик со шпагой: роман. М.: Издательский дом Мещерякова, 2016b.
8. Крапивин В. П. Рыжее знамя упрямства: роман. М.: Издательский дом Мещерякова, 2016с.
9. Крапивина Л. А. Особенность педагогического метода писателя Владислава Крапивина // Образование и наука. 2008. № 7.
10. Крапивина Л. А. Пионерский отряд «Каравелла»: взгляд сквозь призму пятидесятилетия // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 4.
11. Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: дисс. ... д. филол. н. М., 2004.
12. Семенова Е. В. Художественная аксиология русской литературы: терминологический аппарат // Инновационная наука. 2016. № 2-5 (14).
13. Тюпа В. И. Литература и ментальность: монография. М.: Юрайт, 2018.
14. Тюпа В. И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996. № 1.

Информация об авторах | Author information**Свитенко Наталья Вячеславовна¹**, к. филол. н., доц.¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар**Svitenko Natalya Viatcheslavovna¹**, PhD¹ Kuban State University, Krasnodar¹ svitenko@list.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 03.03.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): В. П. Крапивин; система персонажей; конвергентное сознание; авторитарное сознание; аксиология конфликта; V. P. Krapivin; system of characters; convergent consciousness; authoritarian consciousness; axiology of conflict.